

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Включилось табло с нарисованным привязным ремнем, и приятный голос сообщил, что самолет начал снижение, чтобы через полчаса совершить посадку в аэропорту Тель-Авива, который встретит пассажиров ясной погодой и температурой в двадцать семь градусов по шкале Цельсия.

«Почему совершит посадку? — мысленно возмутилась Лиза, затягивая на талии привязной ремень. — Откуда такая уверенность? Неужели они не боятся сглаза? Ведь можно выражаться осторожнее. “Собирается совершить посадку” или “Должен совершить посадку”. Так нет же... “Совершит”. А если нет?» Она вздохнула, плотно прижалась спиной к спинке кресла и закрыла глаза. Скорость лайнера заметно снизилась, но моторы гудели ровно, и летящая машина явно не собиралась сваливаться в штопор, чего каждый раз при посадке боялась Лиза. Она открыла глаза и покосилась в иллюминатор. Крылья самолета подрагивали, но никакой критической ситуации пока не наблюдалось. Лиза собралась с духом и наклонилась к стеклу. Под ней плавно плыло зеленое море с точками катеров и яхт, уходящих от берега. За ними тянулись белые пенящиеся ниточки, тонущие в зелени волн. От ощущения высоты и пропасти под ногами у нее захватило дух. Лиза отпрянула от иллюминатора и проверила обстановку в салоне. Все нормально. Моторы гудят по-прежнему ровно,

пассажиры тихо беседуют о делах, которыми они намерены заняться после посадки. «Со страхом надо бороться. Ему нельзя уступать. Ему нельзя поддаваться. Его надо преодолевать», — вспомнила Лиза указания доктора Вернье и вновь повернулась к иллюминатору. Самолет уже летел над городом. Под крылом неторопливо проплывали дома, зеленые пятна парков и дороги, забитые даже в этот ранний час автомобилями.

— Вот и Земля обетованная! — услышала Лиза. Обернулась к соседке и заставила себя улыбнуться.

Эта соседка, элегантная дама в белоснежном костюме и нежно-голубом батнике, скрасила Лизе пятичасовой перелет из Парижа и заставила хоть на короткие мгновения забыть, что они находятся в такой опасной для жизни штуке, как самолет. Перед взлетом соседка небрежно листала извлеченный из сумки свежий номер «Космополитена» и коротко кивнула в ответ на приветствие Лизы. Потом соседка с удивлением наблюдала, как Лиза тщательно подгоняет на талии привязной ремень и внимательно следит за каждым движением стюардессы, объясняющей правила пользования спасательным жилетом.

Но стоило Лизе повернуться к ней в фас, как насмешливый взгляд соседки сменился заинтересованным.

— Простите, вы ведь...

Она замялась, явно рассчитывая, что Лиза придет к ней на помощь. Но Лиза молчала, не желая попадать в неловкую ситуацию. Она не привыкла, что ее узнают. Ни на улице, ни в кафе, ни уж тем более в салоне самолета. Может быть, эта элегантная дама просто ошиблась.

— Вы модельер. — Соседка энергично тряхнула головой и помедлила, вспоминая фамилию Лизы. Это ей явно не удалось, но она продолжила: — Вы участвовали в показе Young fashion designers в Лондоне в декабре прошлого года.

Ситуация прояснилась, и Лиза решила помочь соседке.

— Я действительно участвовала в том показе. — Она протянула руку и представилась: — Лиза Вальдман.

— Точно! — Соседка энергично тряхнула ее руку и затараторила: — Как я могла забыть вашу фамилию?! Ведь именно

вы были лучше всех. Я сказала тогда себе: «Ирэна, запомни эту красотку. Она скоро заткнет за пояс всех этих мэтров. И Рабана, и Готье, и, страшно сказать, самого большого Пьера». А ваш оранжевый комбинезон! Я им просто заболела. — Не выпуская руки Лизы, соседка закатила глаза и представилась: — Ирэна Грей. Я была на том показе по долгу службы.

Она открыла лежащую у нее на коленях белоснежную сумку с элегантными золотыми замочками. Опытным взглядом Лиза определила: модель Linda от Нэнси Гонзалес. Судя по качеству швов, явно не подделка. Соседка извлекала из сумки увесистый бумажник, а из него визитную карточку.

«Ирэна Грей. Телекомпания Квебек-TV, Монреаль, Канада. Главный режиссер», — прочла Лиза и подняла на соседку уважительный взгляд.

— Мы делали репортаж с того показа, — продолжила тараторить соседка. — И брали у вас интервью. Помните, черноволосый молодой человек. Это наш обозреватель по вопросам моды...

Лиза не помнила ни интервью, ни черноволосого молодого человека. Она пожала плечами и виновато улыбнулась.

— Простите. Это был мой первый большой показ, и я мало что помню. Все было как в тумане. Я помню, меня поздравлял сам Ральф Лорен, но не помню ни слова из того, что он сказал.

— Я понимаю вас. — Ирэна Грей наконец выпустила руку Лизы. — Первый показ. Такое волнительное событие. А теперь вы летите на Oriental fashion в Иерусалим?

В голосе соседки звучало явное торжество. Они летят на одно и то же мероприятие. Значит, будет возможность познакомиться ближе.

— Нет, нет, — заторопилась Лиза, вновь чувствуя себя виноватой. — Я лечу в Израиль по совершенно другим делам. — Соседка не сводила с нее глаз, и Лиза поспешила добавить: — По личным.

Соседка разочарованно откинулась на спинку кресла и наконец выполнила настойчивое указание стюардессы пристегнуть ремень.

— Вы впервые летите в Израиль?

Лиза задумалась. Ее лицо приобрело то растеряннo-удивленнoе выражение, которое появляется у взрослого человека, не знающего ответа на простой вопрос.

— Формально нет. Я была там шестнадцать лет назад. С родителями. Мне тогда исполнилось двенадцать. Родители решили сделать мне подарок — путешествие в Израиль. Мы ездили по стране. Но я почти ничего не помню. Какие-то картинки. Старые дома. Какая-то большая синагога. И в ней много мужчин. Они все в белом. Стоят, опустив головы в полной тишине, и что-то бормочут. А вот ни Тель-Авива, ни Хайфы почти не помню.

— И сейчас, шестнадцать лет спустя, вы решили восполнить этот пробел? — понимающе кивнула соседка. — Но уже без родителей.

Самолет тряхнуло, на мгновение погас и тут же зажегся свет. Лиза напряглась и ощутила, как дрогнул подбородок. То ли от воспоминаний, то ли от этой ужасной тряски небесной машины.

— Мои родители погибли, — шепнула она, взглянула в глаза соседке и пожала плечами, словно говоря: «Ничего не поделаешь». — Автокатастрофа. На трассе около Бордо.

— Простите, — смутилась соседка и положила ладонь на руку Лизы. — Мне очень неловко...

— Ничего! — Лиза, ощущая, что они уже находятся не на земле, заставила себя улыбнуться. — А что касается восполнения пробела, то, боюсь, мне будет не до экскурсий.

— Личные дела! — понимающе кивнула соседка. — Надеюсь, приятные.

— Вполне, — кивнула Лиза, не желая вдаваться в подробности.

В течение всего полета соседка пыталась оказать Лизе мелкие знаки внимания. Подавала поднос с едой от стюардессы, помогала повернуть в правильную сторону хоботок кондиционера. Взамен Лизе пришлось давать консультации по современным тенденциям в моде. По просьбе соседки она рассказывала о правилах ношения спортивных курток

и о выборе ботильонов на тонкие шиколотки, советовала, как с помощью кушака зрительно уменьшить объем талии, и доказывала, что мужчина, согласно современным тенденциям, вполне может носить джинсы с классическим пиджаком и выглядеть при этом элегантно. Периодически Лиза вспоминала о важнейшем деле в любом полете — проверке звука работы двигателей. Она прислушивалась, пытаясь определить, нет ли в ровном гудении моторов каких-либо перебоев. Но назойливая соседка упорно возвращала ее к мыслям о коллекциях, выставках, подиумах и трендах.

Лиза не считала себя трусихой и не была таковой. Скорее наоборот. Поставщики материи и швеи считали ее весьма жесткой, а некоторые капризные манекенщицы даже грубоватой. Но полет на высоте десяти тысяч метров над землей лишал Лизу способности мыслить рационально, захватывал дух и доводил до сумасшествия. «Как можно не бояться, если моя жизнь зависит не от меня, а от тысяч деталей, от всех этих винтиков, трубочек, проводков и контактов. От людей, собиравших самолет и способных ошибиться, от заправщиков, которые могли залить в баки не то горючее, от техников, которые могли не заметить какую-то трещинку. Если я веду машину, я самостоятельно принимаю решения. Я могу снизить скорость и отказаться от обгона, могу затормозить на обочине, если понимаю, что мотор барахлит», — говорила она приятельницам, доказывающим, что поездка в автомобиле является гораздо более опасным предприятием, чем полет. Приятельницы смотрели снисходительно, и Лиза понимала, о чем они думают. С ее профессией без полетов ей не прожить. Она и не думала их избегать, ожидая, когда сбудутся предсказания о том, что со временем она привыкнет к самолетам и перестанет так остро реагировать на воздушные путешествия. Но полеты множились, а привычка все не приходила, и каждое путешествие сопровождалось нервным напряжением, которое приходило за сутки до полета и покидало ее через несколько часов после приземления.

Только перед самой посадкой, когда стюардессы собрали в специальные пакеты использованные стаканы и подносы,

соседка, возможно, почувствовав настроение Лизы, откинулась на спинку кресла и взялась за свой «Космополитен».

В принципе, Лиза была ей благодарна. За беседами о юбках, аксессуарах и накидках обычно тянущееся время полета пролетело незаметно.

Лиза покосилась в иллюминатор. Огромная машина уже неслась над бетонной полосой, огражденной с двух сторон желтыми фонарями. Еще мгновение, и шасси коснулись бетона. В салоне раздались аплодисменты. Лиза с облегчением отстегнула ремень, не дожидаясь команды. «После того, как самолет садится, я становлюсь на редкость смелой», — улыбнулась она своим мыслям.

Ирэна сложила журнал и аккуратно уложила в свою коллекционную сумку.

— Если все-таки выкроите время и решите попутешествовать, позвоните. С удовольствием составлю вам компанию.

— Конечно! Это было бы прекрасно. Но...

Лиза вздохнула. Ирэна понимающе кивнула. Самолет замер у здания аэропорта. В салоне сразу стало шумно и тесно. Пассажиры метнулись к верхним полкам, срывая с них сумки и яркие пакеты с клеймом парижских магазинов беспощинной торговли.

* * *

Лиза погрузила свой небольшой чемодан на металлическую тележку и покатила ее в сторону таможни. Конечно, попутешествовать было бы совсем неплохо. И эта разговорчивая телевизионная дива совсем не дурная компания. Но сейчас ей об этом нечего и думать.

Если бы не странный звонок, заставший ее врасплох вчера днем, она ни за что не уехала бы из Парижа. Во всяком случае, в эти дни. На носу неделя высокой моды Paris Fashion Week. Ее коллекция будет демонстрироваться в главном зале, сразу после коллекции Миуччи Прада. О таком любой модельер может только мечтать. А она, вместо

напряженной подготовки к показу, вдруг летит в Израиль, оставляя своих художников, свои модели и своих продюсеров в полной уверенности, что напряжение последних недель свело Лизу Вальдман с ума. Но поступить по-другому она не могла.

Звонок от Авраама Ашинзона раздался в ту самую минуту, когда она вернулась из пошивочного цеха, где пыталась доказать швеям, что, если они не увеличат темпы, модели будут готовы не раньше будущей зимы.

— Доброе утро, мадемуазель Вальдман, — услышала она в трубке скрипучий старческий голос. Будто кто-то нагло всем окружающим открывал и закрывал давно не смазывавшиеся ворота. — С вами говорит Авраам Ашинзон из Иерусалима.

— Из Иерусалима? — переспросила она, подняла глаза на вошедшего в кабинет главного художника компании Жюля Перно, кивнула ему на кресло возле стола и ответила: — Здравствуйте!

— Я позволил себе побеспокоить вас, мадемуазель Вальдман, — продолжали скрипеть иерусалимские ворота, — потому что у меня к вам важное дело. Чрезвычайно важное.

— Простите, господин... — Лиза замялась, так как не запомнила фамилию собеседника. — Но не ошибаетесь ли вы? Важное дело ко мне?

— К вам, Лиза Вальдман, к вам.

— Но мы с вами не знакомы...

— Это неудивительно. — Ашинзон продолжал скрипеть в темпе движения уже отобедавшей улитки и, казалось, не замечал раздражения собеседницы. — Последние сорок лет я живу в Иерусалиме, так что мы никогда не встречались. Рассказать обо мне вам могла разве что ваша тетя Вардена.

— Тетя Вардена? — Лизе казалось, что сейчас она сойдет с ума от этого медленного и совершенно бессмысленного скрипа. Она сделала Жюлю страшные глаза, пожала плечами, дескать, семейные проблемы, ничего не поделаешь, и жестом предложила показать ей последние изменения в силуэтах.

— Тетя Вардена, — подтвердил иерусалимский собеседник. — Но, во-первых, она человек неразговорчивый, а во-вторых, вряд ли вас заинтересовал бы ее рассказ об Аврааме Ашинзоне.

Лиза чуть не выпалила: «Да уж», но сдержалась, твердо решив в ближайшую минуту выяснить, чего хочет от нее этот человек, который может себе позволить в сегодняшнем безумном мире никуда не торопиться.

— Простите, — сказала она, — чем я могу быть вам полезна?

— Лиза, вы должны прилететь ко мне, — ответил Ашинзон. Скрипучие ворота, по Лизиным ощущениям, на этот раз открывались особенно долго.

— Прилететь к вам? — Лизу поразила нелепость этого предложения, и она заговорила резко: — Куда это к вам?

— Я же сказал, — проскрипел Ашинзон, — что последние сорок лет живу в Иерусалиме.

— И вы хотите, чтобы я прилетела к вам в Иерусалим? — переспросила Лиза, чеканя каждое слово и наблюдая, как по мере приближения к концу фразы вытягивается лицо Жюля Перно.

— Да, — спокойно ответил Ашинзон. — Причем как можно скорее. Сегодня. В крайнем случае, завтра.

— Вы это серьезно? — Бесцеремонность неизвестного жителя Иерусалима не на шутку разозлила Лизу. Она поняла, что пришло время отбросить приличия и объяснить господину по ту сторону провода всю нелепость притязаний на ее свободное время, вернее, полное отсутствие такового.

— Вполне, — проскрипел Ашинзон. — Вполне серьезно. А чтобы вы не сомневались в необходимости откликнуться на мое приглашение, я скажу вам, что был ближайшим другом и помощником вашего дедушки Жана.

— Дедушки Жана? — упавшим голосом повторила Лиза, понимая, что ее разъяснения по поводу нелепости звонка и приглашения в Иерусалим откладываются на неопределенное время.

— Дедушки Жана, — подтвердил Ашинзон. — И я должен сообщить вам информацию, которую когда-то собирался сообщить вашему отцу, но не успел из-за его трагической гибели. Эта информация, которую я не могу доверить ни телефону, ни почте. Она касается тайны смерти вашего деда.

— Тайны? — удивилась Лиза. — О какой тайне вы говорите? Отец рассказал мне все о гибели дедушки Жана. В апреле тридцать пятого года он проезжал на поезде по территории Германии, и его арестовало гестапо. Больше о нем ничего не удалось узнать. Отец считал, что деда расстреляли сразу после ареста. Ни в одном из лагерей смерти мы не обнаружили его следов.

— Вашего деда не арестовывало гестапо, — скрипнул Ашинзон. — И это все, что я могу сказать по телефону. Лиза, завтра суббота. Я не могу просить вас лететь в этот святой день. Но в ночь с субботы на воскресенье из Парижа в Тель-Авив есть рейс. Если бы вы прилетели этим рейсом, а улетели вечером в воскресенье, вы не потеряли бы ни одного рабочего дня.

— Да, конечно, — пробормотала Лиза, машинально просматривая эскизы Перно и пытаясь сообразить, стоит ли доверять словам этого странного человека. — Просто у меня на носу показ коллекции. Сейчас мне не до выходных. Вот если бы недели через три... Я могла бы прилететь на несколько дней. Может быть, ваша информация подождет?

— Информация подождет, — вздохнул Ашинзон, помолчал и добавил: — Я не могу ждать.

— Вы? — В голосе Лизы невольно прозвучала насмешка. — Почему?

— Потому что я могу умереть в любую минуту, — ровным, ничего не выражающим голосом ответил Ашинзон. — Например, прямо сейчас, беседуя с вами. Или через час. А возможно, завтра утром. Я не боюсь смерти. За долгие месяцы моей болезни я смирился с уходом. К тому же мне 92 года, и я вполне могу подвести итог. И только тайна гибели вашего деда не дает мне спокойно уйти в могилу. Эта

информация не должна умереть вместе со мной. И потому я вынужден вас поторопить.

Лиза молчала. Перно не сводил с нее напряженного взгляда, не понимая, что происходит.

— Лиза! — не выдержал Ашинзон. — Если вы считаете меня выжившим из ума маразматиком, наведите обо мне справки у тети Вардены. А потом примите решение. Просто знайте: ночной рейс вылетает из Парижа без четверти час и приземляется в Тель-Авиве в половине шестого утра. Мой водитель будет его встречать. Мне будет жаль, если вы не прилетите.

Лиза хотела сказать, что ей тоже будет жаль. Очень жаль. Но сейчас, когда до показа осталось всего... Нет, это невозможно. Она же ничего не успеет. Последние изменения. Два комплекта надо просто переделывать. Ее широкие юбки никуда не годятся. Лиза покосилась на эскизы Перно. А этот человек... Как его? Авраам Ашинзон. Похоже, он не в своем уме. От человека в таком возрасте нельзя требовать полной ясности мышления. И эта тайна, о которой он говорит, едва переводя дух, вполне может оказаться полной ерундой. А она потеряет день. Целый день, которого ей не хватит потом.

— Лиза! — еле слышно проскрипела трубка. Лизе показалось, что в этом скрипе прозвучал упрек. Неужели он все понял по ее молчанию, этот старичок из Иерусалима?

— Хорошо, — неожиданно для самой себя сказала Лиза. — Я прилечу.

Она положила трубку и подняла глаза на Перно. Художник смотрел на нее так, словно у нее над головой появилось чудесное сияние.

— Ты собираешься улететь? — спросил он тоном психиатра, убеждающего сложного пациента не выбрасываться из окна клиники. — Сейчас? Перед показом? Когда у нас еще нет утвержденных эскизов?

Лиза медленно разложила на столе рисунки. Жюль прав. Это абсолютное сумасшествие. Бросать все и мчаться в Иерусалим к неизвестному старику со скрипучим голосом. Но дедушка Жан... Он погиб за сорок два года до ее

рождения, и о нем Лизе рассказывали отец и тетя Вардена. В детстве Лиза любила рассматривать большой альбом тетки в темно-коричневом бархатном переплете. К жестким страницам альбома были приклеены пожелтевшие фотографии. На фотографиях дедушка Жан выглядел стройным человеком высокого роста. Он был одет то в официальный фрак, то в светлый смокинг, то в домашний халат. Дед фотографировался с бабушкой Лизы, фотографировался со всей семьей, отдельно с детьми — тетей Варденой и отцом Лизы на руках. Были в альбоме фотографии, на которых Лиза могла узнать только деда. «Это его друзья и сослуживцы, — говорила тетя Вардена и неизменно добавляла: — Он был большим человеком, Лиза. Вот видишь, рядом с ним Давид Бен-Гурион. Он держит твоего деда под руку. Совсем молодой! Бен-Гурион очень любил твоего деда». Лиза с уважением смотрела на невысокого короткостриженого человека с густыми бровями и думала о том, что когда-нибудь и эта фотография поблекнет и у ее внуков не будет даже этой памяти о Жане Вальдмане. Повзрослев, Лиза слушала рассказы отца, занимавшегося поиском следов дедушки Жана. На все запросы в Берлин отец неизменно получал вежливый ответ: «Имя Жана Вальдмана в списках арестованных или расстрелянных службами безопасности Третьего рейха не значится». Отец читал эти официальные бумаги, и глаза его становились грустными. «Ничего, Лизонька, — говорил он и прижимал к себе голову девочки. — Мы найдем его. И когда-нибудь положим цветы на его могилу».

Лиза еще раз переложила эскизы на столе.

— Я вернусь в воскресенье вечером, — сказала она, стараясь говорить как можно более спокойно. — В конце концов, нам всем надо развеяться. Завтра утром мы утвердим эскизы, дадим задание швеям и устроим себе маленький отдых. Всего на сутки. — Лиза подняла глаза на Перно и добавила: — Мы все успеем, Жюль. Я тебе обещаю.

Перно нашел в себе силы промолчать. Молча кивнул и втянул голову в плечи так, что сразу стал похож на диковинную хищную птицу.